

Минск : РИВШ, 2014. – С. 8–18. – (Молодежь в обществе рисков и историко-культурных перемен ; вып. 2).

2. Молодежная культура и организация досуга молодежи : учеб.-метод. пособие / С. В. Лапина, Т. М. Смоликова, А. А. Жарикова [и др.] ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, Каф. мировой и нац. культуры ; под. ред. С. В. Лапиной. – Минск : АУ, 2000. – 68 с.

3. Шендрик, А. И. Социология культуры : учеб. пособие / А. И. Шендрик. – М. : Юнити, 2005. – 495 с.

СИМУЛЯКРЫ И СИМУЛЯЦИЯ В КОНЦЕПЦИИ ЖАНА БОДРИЙЯРА

Т. В. Игнатович,

*магистрант кафедры культурологии Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

Современная культура, постулирующая себя в качестве культуры постмодерна, наряду с хаотичностью и разнородностью бытия, плюральностью мнений, предполагает и семиотическую структурированность, как особенность постсовременной эпохи. Одним из знаков культуры постмодерна, обозначающих ее реальность, является понятие симулякра.

Под симулякрами французский философ Ж. Бодрийяр понимает знаки или образы, отрывающиеся по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, к которым они изначально относились, и тем самым выступающие как подделки, копии, оригиналы которых никогда не существовали.

Так называемая эпоха симуляции, по мнению Ж. Бодрийяра, началась с ликвидации референтов (смысла) и с их искусственного возрождения в системах знаков. Симуляция – это процесс, при котором происходит «переход от знаков, которые диссимулируют наличие чего-то, к знакам, диссимулирующим отсутствие чего бы то ни было» [2, с. 35], то есть переход от знаков, которые что-то скрывают, к знакам, которые скрывают, что нет ничего. Последняя категория знаков и образует культуру симулякров и симуляции, где «нет больше ни Бога, чтобы узнавать своих, ни Страшного Суда, чтобы отделить истинное

от ложного, реальное от искусственного воскрешения, так как все уже умерло и воскрешено заранее» [Там же].

По мнению Ж. Бодрийяра эра симулякров в своем развитии пережила три этапа. На 1-м этапе знак маскирует глубинную реальность; на 2-м – знак маскирует отсутствие реальности; на 3-м – знак не соотносится с какой бы то ни было реальностью: он есть чистый симулякр. Первый этап связан с эпохой Возрождения, когда наступило «царство освобожденного знака» и в этой связи общество неизбежно вступило в эпоху подделки. В качестве иллюстрации подделки или симулякра первого уровня он приводит невероятное распространение штукатурки (гипса) в искусстве барокко: в соборах и дворцах штукатурка охватывает все формы, имитируя любые материалы – бархатные занавески, деревянные карнизы, бесстрастных ангелов и чувственные изгибы тела. Все это знаменует собой победу искусственных знаков. Процесс перехода симулякров на новый уровень Ж. Бодрийяр назвал «радикальной мутацией». Симулякры второго уровня – порождение технической эпохи, когда серийность стала основой производства. Охваченная лихорадкой бесконечной воспроизводимости система пришла к третьему уровню симулякров, где создаются модели, от которых происходят все культурные формы. Значение имеет только достоверность модели, так как ничего больше не развивается согласно своей цели. Каждый уровень симулякров включает в себя предыдущий. Как в свое время уровень подделки был захвачен и поглощен серийным производством, также и весь уровень производства ушел теперь в операционную симуляцию.

Симуляция, по мнению Ж. Бодрийяра, влияет на все сферы современного западного общества, в том числе и на власть, которая, оказавшись в пространстве симуляции, дезорганизуется, «лишается своих целей» и «разыгрывает саму себя»: «Все, что ей остается в этом случае – это повсеместно насаждать реальное и референтное. Для этого она пускает в ход преимущественно дискурс кризиса...» [Там же, с. 37]. Раньше, когда угроза исходила от реальности, власть разыгрывала разочарование и симуляцию. Теперь же угроза исходит от самой симуляции и власть играет в действительность, в кризис, в переориентировку художественных, социальных, экономических и поли-

тических целей. Оппозиция, критика, «левые» партии, – это все «контрастный симулякр», при помощи которого власть старается «замаскировать» свое несуществование [Там же, с. 38].

Аналогичная ситуация складывается и в других сферах общественной жизни. По мнению Ж. Бодрийяра, симулякры сейчас берут верх над историей, чем «ликвидируют нас вместе с историей <...> История – это наш утраченный референт, и поэтому сейчас в эпоху симуляции создается впечатление, что история отошла на второй план, <...> удалась на покой, оставив после себя непроглядную туманность. <...> История, которой мы располагаем сегодня, имеет не больше отношения к “исторической реальности”, чем современная живопись к классическому изображению реальности» [Там же, с. 39], – утверждает Ж. Бодрийяр, рассуждая о месте истории в современной культуре.

Современное западное общество сплошь пронизано симулякрами, где настоящему, подлинному предпочитают подделки, подобию. Так, природу, согласно Ж. Бодрийяру, заменил Диснейленд, вместо удобной одежды, предпочтение отдается модной, вместо настоящей любви, все чаще и чаще современное общество заморожено глотает «мыльные оперы» и т. д. В западном мире, в частности в Америке, повседневная жизнь слилась с образами, которые они производят на экранах, в кинематографе. Чем больше современные кинематографические образы приближаются к реальности, тем больше они отдаляются от этой реальной действительности. Если следовать современным представлениям об искусстве, о реалистичности, изображаемой в нем, то кино должно быть максимально приближено к реальности, «его ценность определяется с точки зрения репрезентативности, способности передавать действительные факты и значения» [1, с. 64].

Приводя пример об одном из исторических сериалов под названием «Холокост», где иллюстрируются известные события времен Второй мировой войны, Ж. Бодрийяр утверждает, что повторение тех или иных исторических событий, реалистичное воспроизведение их вновь и вновь в памяти каждого не является гарантией того, что они больше не повторятся, напро-

тив, «искусственное напоминание, повсеместно стирает остатки настоящей памяти» [Там же, с. 67].

Философ подчеркивает, что «мы находимся во вселенной, в которой становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» [2, с. 41]. По этому поводу он выдвинул три «гипотезы: 1) информация продуцирует смысл, <...> но поглощение, утрачивание его происходит быстрее, чем инъектирование смысла; 2) информация не имеет ничего общего со смыслом, она не предполагает никакого конечного смысла и представляет собой нечто вроде кода; 3) информация непосредственно разрушает или нейтрализует смысл, что связано с разубеждающим влиянием средств массовой информации» [Там же, с. 41–42]. Последнюю гипотезу Ж. Бодрийяр считает наиболее приближенной к современным реалиям, хотя ее содержание расходится с общепринятым мнением. Считается, что чем большим количеством информации обладает личность, тем более она социализирована, и напротив, уклонение от получения информации называется асоциальным явлением. Информация считается создательницей смысла, и его должно быть с избытком, чтобы потом распределиться и заполнить все бреши социального. Но это миф, к которому причастно все современное общество: «поскольку там, где, как мы полагаем, информация производит смысл, происходит обратное. Информация пожирает свои собственные содержания. Она пожирает коммуникацию и социальное» [Там же, с. 42].

Таким образом, знаковая реальность с большей интенсивностью занимает все сферы современного западного общества. Властные структуры, средства массовой информации, культура, по мнению Ж. Бодрийяра, носят все более отчетливый симулятивный характер. Искусство, кинематограф, стремясь все больше совпасть с реальностью, «размывают» ее, стирают остатки настоящей памяти [Там же]. Наличие огромного количества информации в современном обществе не способствует порождению новых смыслов, а напротив, нейтрализует, разрушает их.

1. Бодрийяр, Ж. Злой демон образов / Ж. Бодрийяр // Искусство кино. – 1992. – № 10. – С. 64–70.

2. *Бодрийяр, Ж.* Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр ; под ред. А. Р. Усмановой // *Философия эпохи постмодерна : сб. переводов.* – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 32–47.

КОМПЛЕКС МУЗЕЯЎ НА ТЭРЫТОРЫІ БЫЛОГА БЕРНАРДЗІНСКАГА КЛЯШТАРА Ў МІНСКУ: ВОПЫТ СТВАРЭННЯ ЭКСПАЗІЦЫІ

Ю. В. Кавалёва,

*аспірант Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
культуры і мастацтваў*

Артыкул прысвечаны актуальным пытанням сучаснага стану музейнаўства, у прыватнасці музеефікацыі нерухомых аб'ектаў гісторыка-культурнай спадчыны ва ўмовах горада. Разглядаецца дзейнасць Музея гісторыі горада Мінска па музеефікацыі і актуалізацыі аб'ектаў Верхняга горада.

З 2014 г. у структуры Музея працуюць экспазіцыі на тэрыторыі былога кляштара бернардзінцаў: «Карэтная», Археалагічны музей. У 2017 г. адкрыта экспазіцыя «Мінская конная чыгунка». Месцазнаходжанне экспазіцыі на абмежаванай тэрыторыі, аб'яднанай агульным гістарычным мінулым, па сутнасці фарміруе музеефікаваную зону як асаблівы элемент функцыянальна-прасторавай структуры гістарычнага горада.

Пытанні неабходнасці вызначэння межаў музеефікаванага аб'екта і музейных зон, тэарытычныя аспекты музеефікацыі гарадскога асяроддзя разглядаюцца ў даследаваннях М. Е. Каўлен, Л. П. Лаўрова, А. М. Масцяніцы, Макса Хебдзіча і інш. Большасць даследчыкаў, разглядаючы характэрныя рысы сучаснага стану музейнай справы, схіляюцца да максімальнага пашырэння межаў музеефікацыі – ад адзінкавых нерухомых помнікаў да значных тэрыторый, да захавання элементаў ладу жыцця, традыцый і г. д. Комплекс музеяў на тэрыторыі былога бернардзінскага кляштара ў Мінску у многім адпавядае сучасным падыходам да музеефікацыі гарадскога асяроддзя.

Мінскі кляштар бернардзінцаў размяшчаўся ў межах гістарычнай забудовы Верхняга горада, які абмяжоўваецца сучас-